

В пору, когда уже входил в силу равнодушный к человеку модернизм, занятый не переживаниями души, а волнениями тела, Куприн мог показаться слишком «традиционным» и «старомодным». Куда ему было угнаться за мастерами литературных мистификаций, за разрекламировавшими себя «новаторами».

Даровитейший художник, он обладал многообразием стилевых манер, следуя при этом какой-нибудь уже проложенной традиции. Так, рассказ «Мирное житье» близок чеховскому «Человеку в футляре», «Собачье счастье» заставляет вспомнить аллегорические произведения М. Горького, а эпиграф к «Изумруд» («Посвящаю памяти несравненного пегого рысака Холстомера») уже указывает на знаменитую повесть Л. Н. Толстого.

Прослеживая творчество Куприна хронологически, видишь, как постепенно все увереннее и резче становятся художественные штрихи, как отступают банальности и мелодраматические издержки. В его произведениях все отчетливее становится приверженность писателя к отложившимся напластованиям быта. Литературному дару писателя было в высшей степени свойственно подробное изображение устойчивого, прочно сложившегося уклада — военного, заводского, рыбацкого, циркового, чиновничьего или национального быта — русского, украинского, еврейского, белорусского, греческого. Купринский стиль формируется отличным образом от чеховского или, скажем, бупинского (где так много значат метафора, неожиданное уподобление). Он накапливает множество бытовых черточек в той величественной картине повседневности, которая складывается в результате.

Наблюдательность Куприна чаще всего чужда щедрой метафоризации. Там, где Бувин напишет: «чайки, как яичная скорлупа», «море пахло арбузом» и т. д., Куприн скажет просто: «среди мусора, яичной скорлупы, арбузных корок и стад белых морских чаек». В его прозе мы почти не найдем далеких уподоблений, но эта безобразность (при безукоризненной точности языка) не мешает созданию образа огромного морского порта в «Гамбринусе».

Великолепно мастерство Куприна-портретиста, оставившего великое множество незабываемых, даже в беглом изображении, человеческих характеров — уродливого, как гигантская пиявка, сладострастного миллионщика Квашина («Молох»); командира полка Шульговича, под своим громоподобным бурбоном скрывающего отцовскую заботу об офицерах («Поединок»); виртуозно перевоплотившегося в корявого армейского штабс-капитана, азиатски непроницаемого самурая-шпиона («Штабс-капитан Рыбников»), и легкий, почти бесплотный образ когда-то любимой женщины, вновь бессмертно воскресший в ее семнадцатилетней дочери («Леночка»).

Ничто не ускользает от зоркого купринского взгляда — он казнит пошлость, глупость, претенциозность, где бы они ни появлялись. Например, в провинциальном семействе Зиненок («Молох»), где перед гостями выступают поочередно пятеро дочерей пронырливого завскладом — Мака, Бета, Шурочка, Нина и Кася: «Каждой из них в семье было отведено свое ампула. Мака, девица с рыбьим профилем, пользовалась репутацией ангельского характера... Бета считалась умницей, носила пенсне и, как говорили, хотела когда-то поступить на курсы. Когда разговор переходил на одну из классических тем: «Кто выше, Лермонтов или Пушкин?» или «Способствует ли природа смягчению нравов?» —